

An illustration of a tree with dark green branches and leaves. A blue bird is perched on a branch on the left, and a white bird is flying nearby. A squirrel is visible at the bottom of the tree. The background is a light, textured yellowish-green.

Геннадий
Володин

Детские
произведения

Министерство культуры Алтайского края
Алтайская краевая универсальная научная библиотека
им. В. Я. Шишкова

Геннадий Володин

**ДЕТСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Барнаул

2023

Книга издана на средства краевого бюджета
по результатам краевого конкурса
на издание литературных произведений

Володин Г. Г.

В 67 Детские произведения / Геннадий Володин ; М-во культуры Алт. края, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова. – Барнаул ; Красноярск : Типография Юнисет, 2023. – 80 с.

ISBN 978-5-6048951-7-7

Геннадий Григорьевич Володин (1936 – 2013) – поэт, основная тематика произведений которого – природа и история Алтайского края.

8 книг стихотворений, изданных в Алтайском крае, принадлежат «перу» Г. Володина. Он является автором 3 детских книг – «Лесные новости» (1963 г.), «Почему карась на дне живет» (1964 г.), «Сластена» (1969 г.), которые и составляют основу данного сборника. Забавные истории, о разных зверьках и рыбках, учат детей быть добрыми и смелыми, защищать и уважать своих друзей. Книга будет интересна дошкольникам и младшим школьникам, а также всем почитателям таланта Геннадия Володина.

Книга сопровождается иллюстрациями.

© КГБУ «Алтайская краевая универсальная
научная библиотека им. В. Я. Шишкова, 2023

ПОЧЕМУ КАРАСЬ НА ДНЕ ЖИВЁТ

В тихом озере на дне
Жил карась на глубине,
Ел букашек, воду пил,
Спать ложился в мягкий ил.
С кем судьба бы ни свела,
Никому не делал зла:
    Ни ершам,
        ни окуням,
        ни налимам,
        ни линиям...

    Говорил:
    – Живите дружно,
Рыбам ссориться не нужно!
    Потому округа вся
    Полюбила карася.

Но пришла беда - не шутка:
    Заплыла однажды утка,
С шумным выводком утят,
    И – давай ловить малят.

Как нырнёт, так нет малёнка,
    Передаст его утёнку,
Тот проглотит, скажет: «Кря!» –
    Просит мать ещё нырять.

Увидал беду чебак:
– Горе нам! Погибнем так!
Нужно рыбью рать собрать,
Утку с выводком прогнать,
    Чтобы этой утке жадной
Больше не было повадно!

Понеслись во все концы
Добровольные гонцы.
Через несколько минут
Были рыбы тут как тут.
Дружно рвутся в бой они –
    Чебаки,
        ерши,
            лини...

Разъярясь, примчался язь.

А карась?

Струхнул карась!

И друзей в беде покинул,

Закопался где-то в тину,

Там подводною травой

Он закрылся с головой.

А ершишки-забияки

В это время шли в атаки,

Норовя утят кольнуть,

В брюхо,

в лапы

или в грудь.

Язь хлестал врагов хвостом,

Окунь их толкал хребтом...

И встревоженная утка

Испугалась не на шутку –

Увела утят скорей

На лужок, в густой пырей.

Под озёрной тихой зыбью

Ликовало племя рыбе,

Позабыв о карасе:
– Ай да мы! Герои все!
Но прервал сердито язь:
– Нет не все! А где карась?
Вот скажи-ка ты, чебак,
Где он был в разгар атак?
Разве он герой, как мы?
Все – на бой, а он – в кусты.

Порешили:
– Пусть отныне
Будет жить он в грязной тине.
И живёт теперь карась
Там,
где тина,
или
и грязь.

Библиотека АКУХР, elib.altlib.ru

ЛЕСНЫЕ НОВОСТИ

День в лесу

В час,
Когда из-за горы
Показалось солнце,
Глянул ёжик из норы,
Будто из оконца,
Зайка серенький прошёл
Коридором просеки,
Дятлы о кедровый ствол
Поточили носики.

Осторожная коза
В чаще промелькнула.
Лишь сова,
Открыв глаза,
На сучке уснула.

Медвежонок у ручья
Плачет – заливаётся,
И от тучи комарья
Лапкой отбивается.

Прискакал зайка,
Услышав рёв,
Стал уговаривать
Он комаров:
– Комары-комарики,
Не кусайте Мишку.

Он ещё ма-а-аленький,
Маменькин
Сынишка.

Возле пня растёт гора –
Из коры сосновой.
Муравьи,
Как детвора,
Строят домик новый.
Домик с сотнею дверей
Будет сделан за день.
Станут жить в нём сто друзей,
Как у вас в детсаде.

Вдоль ручья идёт Лиса,
Чуть земли касается.
Осторожные глаза
Ищут,
Ищут зайцев.
Может, зайцы в шалаше?
Может, где-то близко?..
Видно, завтракать уже
Захотела Лисонька.

Скрылось солнце за горой.
Умолкают птицы.
Звёзды,
Как пчелиный рой,
Начали роиться.
Зайца спрятала трава –
Он устал очень.

Лишь полночица-сова
Спать совсем не хочет.
Шумно крыльями взмахнув,
И расправив когти,
Оглушает тишину
Жутковатым:
– Охти!

Начинается жара,
День к обеду клонится.
И сосновая кора
Топится от солнца.
И на ней блестит смола,
Будто капли пота.

Ненадолго замерла
Вся в лесу работа.
Жар спадает.
И опять
Лес кипит работой:
Дятлы о стволы стучат,
Сыч зовёт кого-то.
Белки
Прыгают кругом:
Нет ли спелой шишки?
А в малиннике густом
Лакомятся Мишки.
Мыши листьями шуршат
И бегут скорее в норы –
Радовать мышат
Сладкими кореньями.

СКОРОГОВОРКИ

Цапля

Цапля,
Цапля,
Как царица,
Целый час
В цветах болотных,
Цепко цапает царица
Клювом лягушат голодных.
Вот так птица!
Вот так цаца...
А нельзя ли
Цаплю сцапать?

Желтый жук

Жёлтый

Жук,

Жёлтый

Жук,

Он жужжал:

Жуж-жу,

Жуж-жу.

Он жужжал:

– Я жук-жук-жук,

Детям сказку расскажу!

Только начал:

– Жизнь,

Жиз...

Жи... –

Съели бедного стрижи.

Ручей

Из ста ключей
Течёт ручей,
Звучит
В ночи,
Что он ничей.
Звучит:
– Ничей!
Поёт:
– Ничей!
Видать, забыл,
Что сын ключей.

Рубашка

У Андрюшки
На рубашке
Жёлтым вышиты ромашки,
Комаришки,
Мошки,
Мушки,
Две лягушки-попрыгушки
И букашки-таракашки,
Как марашки
На бумажке.

Дела

Подрастает,
Подрастает
Репа в огороде.
Прибывает,
Прибывает
Дела у Володи.
Ходит,
Ходит
В огород,
Видит –
Репа в рост пошла.
Нужно репу прополоть,
Чтобы крупной выросла.

Кораблик

Плыл кораблик – «корабель»,
И случайно сел на мель.
Сел на мель,
Сел на мель
Вдалеке от всех земель.
К милым землям,
Что вдали,
Уплывают корабли,
А кораблик не вдали:
Ждёт прилива на мели.

КАК ХОРЁК ТОВАРИЩА ИСКАЛ

Сказка

Жил Хорёк в норе глубокой,
Как отшельник,
Одиноко,
Но наскучило ему
В подземелье одному.
Он решил:
– Пойду по свету,
Обойду поляну эту,

Лес окрестный обойду,
Но товарища найду.
С ним в норе мы будем жить,
Веселиться, не тужить.
Встал Хорёк,
Глаза протёр.
И пошёл дорогой в бор.
Шёл не долго
И не мало,
Вдруг перед Хорьком предстала
Ни узка,
Ни широка –
Безымянная река.
Островок на середине,
А на нём –
Густой осинник.
Здесь живёт с недавних пор
Мастер плотников – Бобёр.
Целый день он рубит срубы.
– Нет,
Пожалуй, с трудолюбом
Мне и часа жить нельзя,
Я такое не люблю,
Лучше лишний час посплю.

Так сказал себе Хорёк
От развалины дорог,
Зашагав в лесную тьму,
Заяц встретился ему.

Длинноухий,
Косоглазый,
Не понравился он сразу,
Потому что тих и скромн,
Да к тому же плохо скроен.
И решил Хорёк: в друзья
Зайца тоже брать нельзя.
На глухой тропе в лесу,
Повстречал Хорёк Лису.
Оглядел её Хорёк
И решительно изрёк:
– Ты хитра,
А значит, тоже
Мне в товарищи не гожа.

И отправился опять
Он товарища искать.
У взрыхленного песка
Он увидел Барсука.
Чем не друг?
И чем не брат?
Нет,
Пожалуй, толстоват.
Если в нору он войдёт,
То один её займёт.

И пошёл опять Хорёк
По дорогам,
Без дорог,
Мимо сосен и осин,
Мимо сваленных лесин.

Топал,
Не жалея ног,
Мимо дупел,
Нор, берлог.
Но никак не мог спесивый
Друга по душе найти:
Тот – зубастый,
Некрасивый.
С тем –
Хорьку не по пути.
У того –
Иголки колки,
У того –
Глаза остры.
В общем, не годятся: Волки,
Лисы,
Зайцы
И Бобры,
Барсуки,
Еноты,
Мыши –
Все,
С кем свёл Хорька тот путь.
...Только ты таким вот,
Слышишь,
В жизни никогда не будь.

ГРИБНАЯ ОХОТА

И снова боры перезрели.
И снова в борах духота.
Запахло грибами и прелью
У каждой сосны и куста.
Спускаюсь в глухую низину.
Забыта недавняя грусть.
Ложатся, ложатся в корзину
Волнушка, и рыжик, и груздь.
Лисички у края болота
Ищу, палый лист вороша.
Бескровна грибная охота,
И этим она хороша.
Вернёшься и в чём-то прозреешь,
И в чем-то отыщешь покой.
А главное – сердцем щедреешь,
Вернувшись с охоты такой.

ДРОВА

Сестре Нине

В ту зиму птицы мерзли на лету,
Буран по-волчьи рыскал за дровами.
А мы с тобой тащились за версту
В забоку за ветловыми дровами.
Снег попадал в дырявые пимы,
Мороз, большее пса, кусал за пятки.
О, как тогда хотелось от зимы
Бежать в тепло землянки без оглядки!
Где вкусным жаром задышала печь,
И начали протаивать окошки,
Где мать, наверно, начинала печь
Нам на обед крахмальные лепёшки.
Но мы, воображение смирив,
Рубили сухостойные талины,
Глотали снег, и, жажду утолив,
Закусывали ягодой калины.
Потом возок к деревне волокли,
По пояс утопая в снежной каше.
...Мне кажется,
Из той зимы пришли
Сегодняшние все болезни наши.
А всё она –
Военная беда,
Гудевшая у нас над головами.
Я всё отдам,
Я и себя отдам,
Чтоб сын вот так не ездил за дровами.

ХОЗЯЙКА СОЛНЦА

Несла девчонка воду из колодца.
В её глазах два солнца отражались,
В ведре с водой покачивалось солнце,
И на плече, как голубь золотой,
Оно сидело кроткое, ручное.

Девчонка шла легко и величаво.

Потом в калитке скрылась.

Я увидел,

Что солнышко с плеча ее слетело,

И в высоту журавкой поднялось.

Я подошёл к колодцу.

Вновь девчонка,

Звеня ведёрком, за водой явилась.

И я спросил:

– А где же твоё солнце?

Оно ведь улетело от тебя.

– А вот и нет, – ответила девчонка, –

Вы посмотрите в глубину колодца,

Там солнышко моё, как жёлтый лебедь,

Купается в прохладе целый день.

Я заглянул в колодец.

Блинчик-солнце

Там плавилось на сизой сковородке,

А девочка невидяще смотрела,

Чему-то улыбаясь, на меня.

И вдруг меня догадка осенила:
Она ж слепая!
Да, совсем слепая...
Она ни разу не видала солнца:
Ни в небе, ни в колодце,
ни в ведре.

А девочка сказала:
– Это мама,
Давным-давно мне солнце подарила,
И я его всегда ношу в ведёрке,
Туда вон за ограду – в огород.

И если в небе солнце в шубу тучи
Закутается,
Дав земле ненастье,
Я знаю,
И тогда со дна колодца
Глядится в небо солнышко моё.

Я черпаю его, несу на грядку,
И там под осень вырастают дыни.
Такие же, как солнце, золотые
И круглые такие же, как оно.
Опять воды девчонка зачерпнула,
В ее ведёрке солнце заблестело!
Пошла домой легко и величаво,
Тропинкой затравевшею она.

Несла она своё ручное солнце,
Несла своё придуманное солнце,
За жердочную, в три звена ограду,
Чтоб выростали дыни поскорей.

СЛАСТЁНА

Первое знакомство

Жил в тайге медвежонок. Малину любил, мёд и всё сладкое. В общем, сластёна.

Медвежонок был совсем маленьким, когда впервые на лесной тропе носом к носу столкнулся с каким-то зверем: едва он вышел из малинника, тот на него кинулся. Маленький, косматый, едва глаза видать из-за густой шерсти. А сзади хвост, словно тальниковая ветка, тянется.

Сначала Сластёна струсил и хотел задать «драпака», но потом раздумал. Уж сильно любопытно было посмотреть на маленького забияку. А зверь подбежал к медвежонку, и смешно так:

– Гав! Гав! Гав!

Потом мать Сластёны подошла и так зарычала на забияку, что тот поджал хвост и с визгом кинулся удирать. Только трава зашумела.

Мать отшлёпала Сластёну, и он понял, что связываться с этим зверем нельзя. А вот почему нельзя, никак не мог понять. Так ходил он до вечера с матерью, лакомился малиной, а в ушах стояло: – Гав! Гав! Гав!

И так ему надоело эта гавканье, что он решил встретить когда-нибудь забияку и дать ему трёпку.

Дед

Перед осенью Слостёна уже ходил один. Не потому, что вырос, а так случилось. Однажды из-за реки гром раздался, и мать его упала. Медвежонок в испуге удрал. Потом мать искать кинулся. По своим же следам пошёл. И нашёл то самое место. Только матери там не было. Лишь капельки крови атели на моховой подстилке.

Сел Слостёна на поляне и заплакал. И так расстроился, что не услышал, как к нему кто-то подошёл. Бежать хотел, но поздно. На него смотрели добрые участливые глаза. Пересилив страх, он так и остался сидеть на месте.

А человек склонился над ним и погладил его по голове.

Потом достал из теска* ломоть, положил перед Слостёной и ушёл.

Посидел медвежонок, понюхал оставленный ломоть. На вкус попробовал. От ломтя пахло чем-то хорошим-хорошим. Он съел всё без остатка и решил за новым знакомым пойти: может, ещё даст такого лакомства. Но откуда ни возьмись, тот самый маленький косматый зверь появился, и опять противно:

– Гав! Гав! Гав!

Слостёна отвязаться от него захотел. А зверь сзади схватить норовит. Пришлось медвежонку сесть и отмахиваться лапами от задиры.

Чем бы кончилась схватка – неизвестно. Подошёл дед и отругал забияку. Тот понурился, а Слостёна только этого и ждал. Юркнул в кусты и был таков.

За мёдом

Зиму проспал Сластёна в берлоге. Лежал он в яме, заваленной валежником и сучьями, и сосал лапу. А когда в яму просочилась капель, поднялся и направился в малинник. Но ягод там ещё не было. Даже листьев на кустах не было. Возошёл он на пригорок и стал щипать кандык*. Но разве им наешься?

И тут про деда вспомнил. «Пойду к нему», – решил. Но где в такой большой тайге найти его? Ходил Сластёна, ходил. Так и застал его вечер. Прилёг под сосной на мягкий мох и заснул.

Увидел он во сне, будто нашёл большущий ломоть. Но откусить от него не успел даже. Появился тот самый косматый зверь и отобрал мёд.

Сластёна взвыл от обиды и сел. Заплакать бы, да неудобно. Ведь большие не плачут. А он вырос теперь.

Вновь поднялся и зашагал по тайге, переваливаясь с боку на бок. Несколько логов перешёл, несколько ручьёв перебрёл, и вдруг знакомый запах почувствовал. Это от цветов пахло. А над ними кружились пчёлы. Набрал нектара, пчёлы куда-то улетали.

Побрёл Сластёна за ними. Дотопал до речки и чуть не зарычал от радости. На другом берегу маленькие домики рядками стоят, и ходит между ними тот самый, что мёдом угощал. А рядом – косматый зверь бегаёт. Только страшнее и больше прежнего. Вырос, видать.

«Может, уйдёт он, – подумал Сластёна, – вот тогда и пойду туда».

Медведь затаился в кустах. Был полдень. Жара невыносимая стояла, и он вспотел. Хотел уже махнуть на всё лапой и податься восвояси. Но тут дед засобирался куда-то. И ушёл. Зверь тоже за ним убежал.

Стал Слостёна тихо к речке спускаться. Тут его заметили пчелиные сторожа. На медведя накинудся целый рой. Одна пчела так ужалила в нос, что медведь заревел от боли и кинулся в воду.

Вышел Слостёна на другой берег. Нос распух. Одно ухо длиннее другого стало. А бока так болели, словно ему пришлось на шиповнике лежать. И вдруг подумал он: это дед нарочно напустил на него пчёл. Зло в душе поднялось. И решил он отомстить.

Попался

Едва начали спускаться сумерки, Слостёна вышел из своего укрытия и тихо направился к пасеке. Вот и омшаник*, как серое пятно, из темноты выплыл. Медведь прислушался. Никого. Ни звука, ни шороха.

Почти неслышно подошёл к крайнему улью. Ухо приложил.

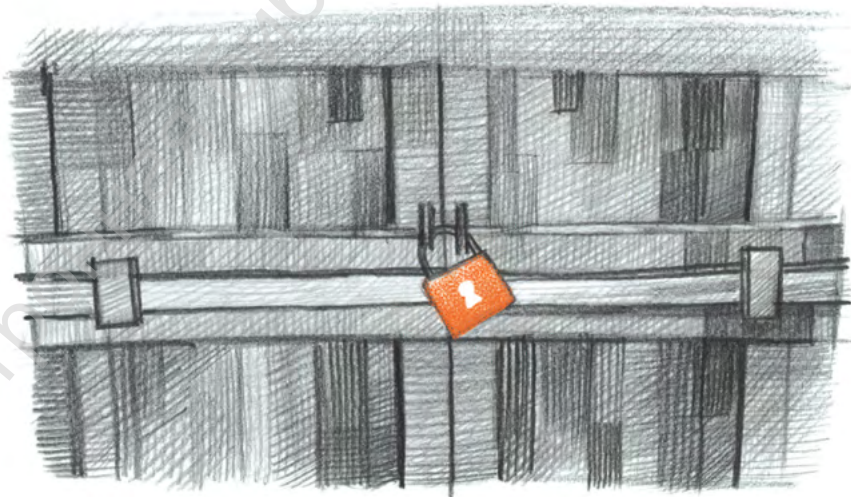
– Дззи, – гудело где-то внутри, но ни одна пчела не вылетела. Тогда он снял крышку с улья. Обдало тёплым медовым запахом. Осмелев, он сграбастал улей и перевернул. Схватил несколько рамок и хотел расправиться с ними на месте. Но цокот копыт раздался.

Медведь бросился бежать. И ввалился в тёмное отверстие, сбив по пути какую-то палку. Только палка упала, дверь с треском захлопнулась за медведем. Стало темно.

Собака учуяла его и принялась скрестись в склад. А дед смекнул, в чём дело, и навесил на дверь большой замок.

На заре дед подошёл к складу. Дверь хотел отпереть, но не стал. Побоялся упустить зверя.

– Ну, Слостёна, – сказал он, – отдам-ка я тебя в зоопарк. С весны ещё просили.

В зоопарке

Через несколько дней медведя привезли в город. Была ночь, и Сластёне казалось, что его везут прямо в пламя: столько огней светилося впереди. Потом машина встала. Клетку сняли.

– Спи, – сказали медведю люди и ушли.

Но спать он не мог. Ноздри щекотали какие-то новые, непривычные запахи. Иногда, где-то совсем рядом, раздавались такие вопли, что у медведя шерсть дыбом становилась.

Рассвело. Солнце начало подниматься. Над головой у Сластёны птицы запели. Только голоса их были какими-то незнакомыми. Совсем не такими, как в тайге.

Медведь решил оглядеться. Направо глянул. Там в клетке сидело что-то такое, от чего у медведя снова зло закипело. И это что-то показывало язык.

А в другой клетке находилось чудовище. Огромные когтистые лапы, зубы, усы и грива. И Сластёне стало боязно. Ведь обидеть могут. Вон какое зверье тут!

Новая жизнь

Перед клеткой остановился человек. Сладёна устрасяюще зарычал. Но человек и ухом не повёл. Протянул медведю полную чашку малины. Он придвинул чашку к самому носу медведя. Сладёна отвернулся, будто это дали совсем не ему, а кому-то другому.

– Голодовку объявил? Ну, давай, – и ушёл.

Зоопарк открылся. В ворота повалил народ. Столько людей Сладёна в жизни не видел. Особенно много было ребятшек. Они сновали от клетки к клетке, смеялись, кричали.

Возле клетки новичка собралась толпа. Люди бросали ему яблоки, конфеты, помидоры. Но он ничего не брал. Ни от кого не брал.

Несколько дней Сладёна голодал. А человек каждое утро приносил ему еду. Медведь лежал и думал о тайге. О горях, где много малины.

От этих воспоминаний так захотелось есть, что он не выдержал и стал принимать пищу.

Вскоре с соседями подружился. Встречаться с ними, правда, не приходилось – не выпускали из клетки. Только мартышку терпеть не мог, потому что она чем-то напоминала ему собаку, ту самую, что охраняет пасеку деда.

Встреча

Наступила осень. Жёлтые листья полетели с деревьев. А зоопарк начали готовить к перевозке в другой город, в котором не бывает холодной зимы.

Сластёна затосковал. После завтрака он ложился и, пока не появлялись люди, мечтал. Он вспоминал свою неуютную берлогу, глухой лог и старую вырубку, где лакомился с матерью малиной. И деда вспоминал. Вспоминал уже беззлобно, словно друга.

Однажды до открытия зоопарка к клетке подошёл человек. Сластёна не обратил на него внимания, лежал и думал про своё. А человек не уходил, всё стоял и смотрел на зверя. Медведю стало не по себе от этого взгляда. Он повернулся на другой бок, и вдруг, своим звериным чутьём, уловил в человеке что-то знакомое. Сластёна принялся и понял, что перед ним пасечник. От него пахло хвоей, муравьями и травами – всем таким знакомым и родным.

Он вскочил и бросился к стенке, у которой стоял дед. А тот стоял так близко, что Сластёна мог дотянуться до него лапой.

– Отойдите подальше, – посоветовал сторож, – зверь-то дикий.

– Не беспокойтесь, – ответил дед, – мы с ним старые приятели.

Дед протянул Сластёне мёд, и тот, урча от удовольствия, принялся есть. А пасечник смотрел на него и жалостливо говорил:

– Попрошайка зашёл. Ты уж не сердчай на меня, старого, сам казнясь, что отдал тебя в неволю.

Сластёна ничего не понимал из слов деда. Ему казалось, что тот рассказывает о вольных ручьях, текущих в таёжных оврагах, о травах, которые начали желтеть, о кедрах, роняющих спелые шишки, и о тихом шуршанье опадающих листьев.

---

* Тусок – круглый берестяной короб с тугой крышкой.

* Кандык – дикорастущее луковичное растение.

* Омшаник – утеплённое помещение для зимовки пчёл.

* Гарь – выгоревшее или выжженное место в лесу.

ЛЮБИТЕЛЬ МУЗЫКИ

О медведях рассказывают разное. Особенно о том, что они очень уж музыку любят. Один таёжный охотник уверял меня в том, что, если по каким-то причинам, птицы покинут лес, то первыми за ними уйдут медведи: не могут они жить в глухоманном лесу. Рассказывают, что видели мишку, который сидел, прислонившись ухом к телеграфному столбу, и слушал, как гудят–позванивают провода. Третьи наблюдали, как медведь, встав на край пропасти, бросал камни вниз и слушал, как они гулко бухали на дне, вызывая глухое и протяжное эхо.

А вот недавно в глухом селе, расположенном в самой глубине тайги, произошёл случай ещё интересней.

Собрались как-то вечером парни и девушки на мосту. Сидят на гладких перильцах, песни поют, да пересмеиваются. А баянист, знай себе, играет одну песню за другой, чтобы молодёжь не скучала.

Стемнело совсем. Брусничины звёзд усыпали небо. Молодёжь начала танцевать. Завидует, танцующим друзьям, баянист, но заменить его некому. Вот и пришлось ему сиднем сидеть.

Вдруг одна из девушек как завизжит, да как бросится бежать. А через какой-то момент всех с моста словно ветром сдуло. Только, ничего не понявший, баянист как сидел на перилах, так и остался сидеть. А когда понял, в чём дело, уходить было поздно – прямо перед ним стоял медведь. Да не какой-нибудь там недоросток-пестун, а матерый, здоровенный зверище.

Глаза его углями светились под луной. Но зла в них не виделось. Только любопытство светилось. Да и стоял он в такой позе, что, казалось, заиграй сейчас баянист плясовую, и зверь с радостью пустится впрысядку или настоящего трепака задаст.

Баянист не знал, что ему делать. Бултыхнуться через невысокие перильца в речку? Но там камни-покатни лежат. Упадёшь на них

и разобьёшься. Бежать? Зверь догонит сразу же. Оставалось одно – сидеть и ждать своей участи.

А медведь подошёл ближе и уже совсем не смотрел на парня, а с явным любопытством разглядывал баян. Что, мол, за штука такая голосистая?

И, казалось, просил: сыграй, что ли, а не то отниму твою забаву и унесу к себе в тёмный распадок.

То ли с перепугу, то ли умышленно баянист прошёлся пальцами по звучным ладам. Зверю, видимо, понравилось. Он склонил голову и внимательно-внимательно прислушался.

Парню даже показалось, что он головой кивнул в знак одобрения.

И начал играть баянист одну песню за другой, один танец за другим, словно перед ним совсем не хозяин тайги стоит, а большая аудитория, да не просто слушателей, а истинных ценителей музыки. Он играет, а медведь стоит и слушает. Стоит баяну умолкнуть, он недовольно рычит - видать ещё музыки требует.

Но не играть же так целую ночь. И баянист решился. Он поднялся с перил и, не переставая играть, начал пятиться в тот конец моста, куда убежали ребята. Парень сделает шаг, медведь – шаг, парень – шаг, медведь – шаг.

Так дошли до конца моста. И тут медведь рывкнул. То ли поблагодарил за музыку, то ли по-своему обругал баяниста за то, что тот мало играл ему. Потом повернулся и был таков.

Прибежали охотники из деревни с ружьями да собаками. Но медведя уже и разыскать было трудно.

Может быть, это и был тот самый медведь, которого у телеграфного столба видели. А может, другой, тоже любящий музыку.

РАССКАЗЫ О ГРИБАХ

Грибы и подснежники

На Быстрянский кордон я приехал в конце апреля. В густолесье и оврагах еще лежал крупитчатый снег, из-под которого просачивались веселые ручьи. Они звенели и, вбирая другие ручейки, полнели, ширились, торопясь к речке, чтобы помочь ей раздвигать пойму.

Ночами было прохладно. Нетечу-чие водоемы покрывались ледком. Зато на лесных полянах, вырубках и межквартальных широких просеках, да у дорожных прогалов, жизнь была ключом. Здесь с зари и до позднего вечера столбились комарики-толкунцы, прилетали, к цветущим кустам ивы, пчелы, осы, басовитые шмели и похожие на них пестрые мухи-журчалки. Иногда появлялись крупные желто-черно-синие бабочки с удлиненными крыльями, которых зовут махаонами. Они торжественно, и как-то по-хозяйски, облетали поляны, вырубки,

просеки и прогалы, словно хотели убедиться, а не обманулись ли в том, что пришла весна.

Кое-где, на обогретых солнцем чистинах, голубели пролески и от малейшего ветерка покачивались на своих длинных, слегка опущенных ножках, подснежники и желтовато-белые прострелы. Словно малюсенькие солнца вспыхивали стародубки.

На муравьиных кочках всюю шла оживленная работа: красные трудолюбы приводили в порядок свои жилища, которые за время их долгого зимнего отдыха осели, уплотнились и кое-где порушились. Птицы, уже успевшие спариться, таскали соломинки и пушинки в облюбанные для гнезд места. Они торопились, озабоченные продолжением рода.

Дядя Миша сидел на высоком крыльце в своей извечной черной косоворотке и отбивал литовку, хотя до сенокоса было далеко. Завидев меня, он разулыбался и зачастил:

– Вот спасибо, обрадовал! Вот спасибо! Не забыл старика. У нас тут весело теперь – весна. Да ты проходи, проходи. Настя! – полуобернувшись, крикнул в темный проем раскрытой двери в сени. – Гость у нас. Сообрази там что-нибудь на стол.

Он как-то неуклюже суетился, словно к нему пожаловал ближайший родственник.

Это не шло леснику при его крупной фигуре и спокойно-добродушном характере.

Утром, едва я успел проснуться, лесник предложил:

– Давай после завтрака по грибы сходим.

Я посмотрел на него, как на чудака, и засмеялся. Мне показалось, что лесник просто шутит надо мной: разве могут быть грибы в апреле, когда и цветы еще по ночам прихватывает морозцем? Но он смотрел на меня серьезно. Да и тетка Настасья, которая, как я заметил, старалась одернуть при неудачных

шутках дядю Мишу, ничего не сказала осудительного в его адрес. Только промолвила:

– От, непоседа. Человеку-то, может, и не нужны твои грибы.

После завтрака дядя Миша заторопил меня, хотя к его затее я относился с нескрываемым подозрением. А он принес из чулана большое плетенное из ивовых прутьев лукошко, снял со стены ружье и закинул его за спину.

У полноводного ручья цвела ива. При легчайшем ветерке над кустами поднимались золотые пыльцевые облака, распространяя окрест медовый запах. Пели птицы на разные лады о своих весенних радостях. В небе улыбалось апрельское солнце, и мне казалось, что оно подсмеивалось над нами и как бы хотело сказать: «Чудаки, какие вам грибы, когда и трава-то едва начала пробиваться. Сидели бы дома...»

Возле невысокой песчаной гривы, уходящей куда-то в зелено-голубоватую глубину леса, дядя Миша остановился.

– Отсюда и начнем. Под кустами смотреть надо, и у берез. Под сосны да пихты можно не заглядывать. Весенние грибы с хвойными деревьями не в дружбе. Им лиственные ближе. Надо искать в тех местах, где заветерье.

– Да какие они хотя бы эти грибы-то? – не выдержал я. – Не белые же и не грузди? Подземные зимние трюфели, как я знаю, у нас никогда не росли и не растут. А всем другим рано еще вроде бы.

– Много ты знаешь, – добродушно улыбнулся лесник, – еще к грибникам себя причисляешь. Сморчками грибы эти называются. Не все за ними ходят, правда. Да, вот же, один стоит!

Дядя Миша срезал гриб и протянул мне. Я стал рассматривать его и ничего необычного в сморчке не нашел. Гриб как гриб. Коричнево-бурая шляпка его тянулась вверх конусом, а ножка

была полой, как у волнушки. Единственное, что выделяло сморчок из грибов, которые знал я раньше, была шляпка. По ней художником-природой проведены продольные и поперечные темные линии, образующие ячейки. Она походила на модную шляпку, на которую накинута черная вуальная сетка. Сморчок был не очень большим.

– Встречал такие? – спросил лесник, когда я положил гриб в корзину.

– Не помню. Может, и встречал. Но не брал никогда. За поганки принимал.

Дядя Миша укоризненно покачал головой.

– Этот – лилипут, по сравнению с другим своим собратом. Тот по науке сморчком высоким называется. Но сейчас мы не найдем его. Он только в июне начнет появляться. Веришь ли, до 30 сантиметров ростом бывает. И вес, дай боже. Срежешь несколько таких, и полна корзина. Коли будет охота приехать летом, покажу такие грибы. Они завсегда на старых гарях растут.

– И другие грибы гари любят, – вставил я с видом знатока.

– А, знаешь, почему? Земля после пожара чистой становится, почва от огня стерилизуется. В ней тогда много золы, богатой азотом. А это и нужно грибам. Да и всяких паразитов на гари меньше бывает. Только лучше бы не случались лесные пожары. Ко мне часто один профессор приезжает. Миколог он. Чуть ли не главный в Сибири специалист по грибам. Федором Андреевичем зовут. Вот с кем тебе знакомство надо бы свести. Он такое может про грибы порассказать, что ахнешь.

Дядя Миша говорил, а мне думалось, что и профессор приезжает не затем сюда, чтобы просвещать старого грибовзнатца, а наоборот – в надежде услышать от лесника что-то новое, редкое.

...Я вошел во вкус. Солнце поднималось все выше и выше над лесом, высвечивая каждую хвоинку на соснах и пихтах. Понемногу наплывала теплынь, и я жалел, что пошел в пальто, а не в плаще.

Прибывали грибы в корзине, и она, все ощутимее, тяжелела. В ней лежали сморчки с яйцеобразными и коническими шляпками.

И вдруг под одной из берез мне попался толстенный такой гриб. Только шляпка у него была неопрятной – не имела формы, словно ее кто-то помял ненароком.

«Может быть, лось наступил на нее, – подумалось мне, – или почва оказалась слишком твердой для гриба. Вот он и попортил шляпу, пробиваясь на свет из своей подземной грибницы».

Я срезал гриб и, догнав лесника, показал ему свою находку. Дядя Миша пренебрежительно хмыкнул. Потом сказал коротко и строго:

– Выбрось. Строчок это.

– Ну и что? – не понял я.

– А то, что иногда строчки ядовитыми оказываются.

Я выбросил злополучный строчок-толстячок. Даже растоптал на всякий случай, чтобы зверь какой-нибудь не съел. И мы направились к дому. Все так же смеялось в высоте солнце. Только теперь мне казалось, что оно смеется надо мной, не сумевшим отличить поганый гриб от съедобного. И я даже сконфузился. А лесник, видя мое расстройство, утешил:

– Со всяким бывает.

Чужацы

Август в том году выдался сухим. Шла вторая половина месяца, а на землю не упало ни капли дождя. Поэтому я считал, что опят в такую сушь и быть не может. Дядя Миша, в эти дни, был занят какой-то неотложной работой в лесопитомнике. Даже обедал там в бригаде школьников, присланных на помощь ему из села. Появлялся он только на закате, а иногда и после него. Наскоро поужинав, он ложился спать, чтобы на заре снова уйти к своим «галчатам», как он звал школьников.

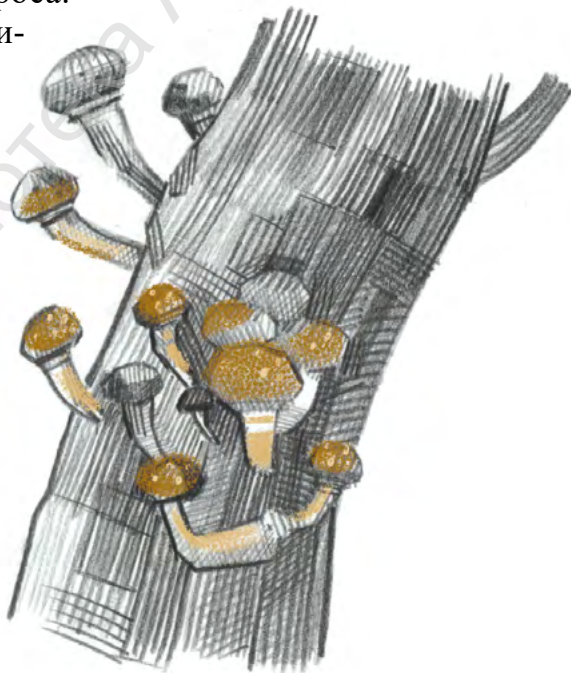
И вдруг в одно из воскресений сказал мне:

– Ребятишек я домой спровадил. Так что – свободен. Может, за опенками двинем? А то засиделся тут, поди, заскучал...

В лесу лежала необильная роса.

Тут и там серебрились затейливые сети пауков, в которые спозаранок успели попасть мухи и мошки. Гулко стучали дятлы, выискивая в сушинах короедов. Пересвистывались желтые иволги и еще какие-то птицы.

Дядя Миша, едва мы отошли от кордона, вырезал длинную таловую палку, раздвоенную на конце. «Как будто змей ловить собирается», – с улыбкой подумал я, глядя на действия лесника. А он, закончив свою работу, предложил:

– Давай-кось так сделаем: ты пойдешь по одной стороне лога, а я по другой.

Он смотрел на меня, и глаза его хитро поблескивали из-под мохнатых бровей, и я понял, что лесник снова задумал как-то подкусить меня или разыграть. Хотелось подглядеть за ним. Но это было бы нечестно. Да и розыгрыши лесника мне всегда нравились, потому что за ними крылось что-то познавательное, интересное. Просто у дяди Миши был такой неназойливый метод учить. Наверно, он и с учениками из бригады поступал так же, преподнося им лесную науку.

Разошлись каждый в свою сторону. Я тщательно осмотрел десятка два березовых и осиновых пней. Не обходил стороной и валежники. До рези в глазах всматривался в гниющую опадь, где обычно любят селиться семейства опят. Но их не было. Правда, попадались свинушки да сыроежки. Но они были донельзя источены червями и рыжими жуками, живущими в грибах.

«И мой грибознавец ничего не найдет, – злорадно подумал я, – нет опят, совсем. И быть не может в такую сушь. Так что, зря он хитро улыбался».

Но когда мы сошлись за логом, я увидел, что в корзине лесника лежит несколько добрых опеночных семей. Станным мне показалось только одно – все грибы были вырваны с корнем. А ведь дядя Миша при мне ругал заезжих грибников за то, что не режут, а дергают опята с корнями, нарушая при этом грибницу.

Лесник стоял передо мной в позе победителя и добродушно посмеивался в бороду. В глазах его поблескивала та же хитринка, что и раньше. А корзину он поставил передо мной: любуйся, мол.

– Где же твои опята? – наконец спросил он.

– Нет их нынче, – буркнул я, – сам, поди, раньше приглядел эти семейки и сейчас вот собрал их.

Дядя Миша не обиделся, а наоборот, развеселился. Потрепал меня по плечу и сказал:

– Ты не сердчай! Просто смотрел ты не туда.

– Как это не туда? – возмутился я. – Пни чуть ли не ощупывал. Но даже зародышей опеночных не нашел.

– Вот-вот. Ощупывал. Под ноги глядел. А ноне вверх глядеть надо.

– В небо, что ли?

– Наверде того. Учти на потом: в такое сухое время опята не под деревьями искать надо, а на деревьях. Растут они прямо на стволах берез на высоте 2 – 3 метров. Так-то, вот.

Тут я и понял, зачем дядя Миша вырезал странную палку с рогаткой – ею он доставал грибы с деревьев.

– Но ведь ты повредил грибницу этих семей, – не удержался я от укора.

– Экой ты, – сказал дядя Миша, – опята опятам – рознь. Те, что на пнях растут, пользу приносят. Они разлагают пни – эти рассадники всякой заразы для леса. Поэтому я и стараюсь оберечь их. А тут, – лесник указал на корзину, – чужеядцы одни.

– Как это? – не понял я.

– Обыкновенно. За счет живого дерева живут. Соки из него тянут. Это грибы-паразиты. И очень опасные. Грибница их пробивает кору деревьев и повреждает древесину. Березы от этого гибнут. Молодые за два-три года, а старые за восемь-десять лет. Вот поэтому я и нарушаю грибницу таких опят. И тебе советую.

Знакомство

На улице было сумрачно и слякотно. Окна плакали от нудной мороси. Тетка Настасья гостила в селе у дочери. А мы с лесником сидели затворниками в доме. Дядя Миша шил хомут, ругая кого-то за то, что при нынешнем развитии техники не могут изготовить такой безделицы. Я писал за столом стихи. Точнее сказать, не писал, а упражнялся в этом.

Вдруг у ворот засигналил автомобиль.

– Никак начальство припожаловало, – ругнулся дядя Миша, – и непогода не держит.

Он метнулся за дверь встречать гостей.

Я тоже вышел на крыльцо. У ворот стоял газик неопределенного грязно-серого цвета. Крылья, лобовое стекло, да и весь тент его были заляпаны грязью.

– Федор Андреевич! – возбужденно кричал лесник. – Вот кого не ждал, так не ждал. Как снег на голову.

Дядя Миша тискал в объятиях мужчину, одетого простецки. Он был в штормовке, сапогах и берете. Я понял, что это и есть тот самый миколог, с которым меня давно хотел свести лесник.

– Слышал о тебе от Михаила, – сказал Федор Андреевич, – писать приехал или просто отдохнуть от шума городского?

– Развеяться. А вы?

– Я по делу.

– Дело, конечно, с грибами связано?

– С ними. Только не с теми, за которыми люди с лукошками ходят. Эти не засолишь, не сварить и на стол не подашь. Был я здесь по весне, и, в одном месте, обратил внимание на группу деревьев. Не очень жизнерадостными они мне показались. Посмотрел и обнаружил, что деревья эти поражены корневой губкой. Это

гриб такой, из семейства пориевых. Где он появляется, там быстро образуется пенная гниль и губит постепенно деревья.

– Валить придется?

– Зачем? Призовем на помощь другой гриб, который никогда не уживается с губкой, вытесняет ее, а точнее сказать, убивает. Это флебия – такая молочно-белая или сероватая пленка, похожая на плесень. Берем у нее споры и водворяем на зараженные участки. Дальше гриб сам распоряжается судьбой губки.

Дядя Миша принес из погреба соленья.

– Убери бумаги со стола, – сказал мне. Я собрал листки.

– Творил или вытворял? – кивнув на них, спросил Федор Андреевич.

– Скорее второе.

– Прочти, если не секрет.

Я замялся. Не хотелось сиюминутную писанину показывать человеку. Но миколог подбодрил:

– Не критик я. Чего стесняешься?

И я прочел ему с листа такие строки, о которых пожалел потом. Да вот они:

«Я бегу по медвяной росе.
Где-то перепел свищет в овсе,
Где-то нудно скрипит коростель.
Ни ветринки.
А в сердце метель,
Никогда не испытанных чувств.
Я к тебе на свидание мчусь.
По медвяной росе напрямиком,
Словно в детстве, бегу босиком».

В зеленоватых, с какой-то солнечной прожелтью, глазах Федора Андреевича блеснуло лукавство.

– Значит, по медвяной росе бегаем? – спросил с полуулыбкой он, – а ты знаешь, что такое медвяная роса?

– Для меня это поэтический образ. Может быть, не совсем свежий, но образ.

– Каждый образ должен иметь под собой почву.

– Да разве этот беспочвенный? – начал раздражаться я.

– Не кипятись, – охладил меня Федор Андреевич, – для нас медвяная роса – настоящее бедствие. Эту самую, опоэтизированную росу, образует гриб, называемый спорыньей пурпурной. Она поражает во время цветения рожь, знаменитую алтайскую твердую пшеницу, ячмень. И травы стороной не обходит. Костер, тимофеевка, пырей, осока – иногда гибнут из-за этого гриба. Кстати, медвяная роса имеет пренеприятнейший запах. Так что, бегать по ней босиком ты бы не стал.

– Нечего сказать, познакомились, – весело констатировал дядя Миша, усаживая нас за стол. И мы все трое рассмеялись.

Угостилась

Корзину с грибами я оставил на тропе, а сам стал преследовать глухарку. Птица волочила крыло по земле и притворялась подбитой, чтобы отвлечь меня от выводка, который находился где-то рядом. Ловить ее я и не собирался, и знал к тому же, что глухарку не поймать. Просто интересно было посмотреть, к каким уловкам будет прибегать хитрая птица, отводя меня от птенцов.

Преследуя глухарку, я немного заплутал. А птица кончила притворяться и улетела. Выбравшись из темного замшелого лога, обнаружил тропу и зашагал по ней, чтобы подобрать корзину и двинуться на кордон.

Вот и поваленное дерево, от которого увела меня глухарка. В десятке метров от него должна стоять моя корзина. Но тут я встал, как вкопанный. Мои грибы спокойно поедала лосиха. Рядом попрыгивал телёнок. Видимо, он был сыт и поэтому не угощался.

– Уйди, зверина, – крикнул я. Но лосиха дрыгнула задней ногой, словно отмахнулась от меня. Только когда кинул в нее сучком, она промычала что-то и недовольная удалилась.

Грибов в корзине почти не было уже. Да и те, что остались, я высыпал на траву – они были испорчены и переломаны.

На кордоне я рассказал о проделке лосихи леснику. Он посмеялся над моей незадачей.

– Ручная она, – заключил он, – выросла у меня. Потом ушла. Но в многоснежную зиму приходит, чтобы покормиться. У Настасьи из рук сено берет и хлеб. И не тебя первого без грибов оставила. Дочь моя развесила прошлым летом грибы во дворе, чтобы подвялить, а Фаня, так мы зовем лосиху, пришла и съела все до единого.

От незнания

– А вот сколько грибов можно собрать с гектара угодий? – спросил я как-то у Федора Андреевича, когда мы сумерничали на крыльце кордона. Миколог помолчал, раскуривая папиросу, потом сказал:

– Считается, что маслят в урожайный год можно собирать до тонны, а белого гриба половину этого. Но вообще принимаем среднее – сто килограммов. Но собираем-то, тысячную долю из великого обилия.

– Кто же мешает?

– Лениость наша. И еще незнание грибов. Вот у нас в Сибири многие грибы не собирают. Взять хотя бы свинушки. Они делятся на толстые и тонкие. И те, и другие – вполне съедобны и вкусны. Но вот пренебрегаем ими. Да что свинушки! У нас моховики редко кто берет. А грибы красивые, буровато-оливковые с ярко-желтым трубчатым слоем. Боровик, в жареном и маринованном виде, неплох на вкус. Летний опенок совсем не берут.

Зато вот перечный груздь идет за милую душу. Хотя его надо отдельно солить – горький он. Сначала его надо вымочить хорошо и только потом пускать в дело.

Из сыроежек, которые составляют 45 процентов всех грибов, тоже собирают не все.

– Чернушки, валуи, сыроежки болотные и сереющие, – вставил я свое слово.

– Вот-вот. А ведь сыроежек у нас более 150 видов. Каких только нет! И все красивые. Будь моя воля, издал бы каталог сыроежек с красочным изображением каждого вида.

– Чего ж не издадите?

– Другими грибами занят. В основном различными паразитами. Ищу методы борьбы с ними.

Федор Андреевич замолчал. Погасил папиросу и предложил немного прогуляться перед сном по заполненному сумерками лесу.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Псилоцибе

Мы шли вдоль болотца. Под ногами хлюпала жижа. Тут и там стояли омертвевшие березки. И возле каждой темно-бурые небольшие грибы. У них были колокольчатые водянистые шляпки, из-под которых выглядывала какая-то белая каемка. Грибы совсем невзрачные.

Когда остановились на привал, я пнул сапогом один из таких грибов. Никакого зла я не срывал на нем, просто пнул и все.

Федор Андреевич недовольно пробурчал что-то себе под нос и, срезав гриб, долго рассматривал его. Потом сказал:

– А, ты знаешь, что пнул божественный гриб?

– Божественный? В первый раз слышу такое название. Да и какой он божественный, если растет на болоте? Ему бы лучше дать название чертов гриб.

– Помилуй! Древние индейцы Америки поклонялись ему. Там археологами найдено даже каменное изображение этого гриба.

– Это за какие же заслуги?

– За какие? А вот послушай. Когда археологи нашли упомянутое изображение, некоторые микологи вспомнили, что в индейских преданиях неоднократно говорится о грибах, придающих веселье, помогающих встрече с богами. Набрали этих грибов, исследовали их. И оказалось... – Федор Андреевич принялся мыть сапоги в лужице.

– Так что оказалось? – нетерпеливо спросил я.

– Оказалось, сапог протекать начал, – сказал он сердито, – видно, где-то боярышниковой иглой проткнул. Идем-ка отсюда. А то в сапоге уже захлюпало.

Мы вышли из болотца. Федор Андреевич валко шагал впереди и молчал сердито, словно в том, что прохутился его сапог, вино-

ват я. На гребне песчаной гривы он выбрал подходящее место, сел и разулся. Еще раз внимательно осмотрел гриб и положил рядом с собой, и только здесь продолжил, будто пауза была минутной:

– Оказалось, что грибы эти содержат в себе некое галлюциногенное вещество. Если человек употребит всего один миллиграмм вещества, то окажется в состоянии опьянения. А если десять миллиграммов – у него наступят изменения в психике и появятся галлюцинации. Видимо, это использовали индейские жрецы в своих целях.

– Вот никогда бы не подумал! – удивился я и спросил: – А как он называется?

– Псилоцибе. Но это не суть важно. Важно другое. Ученые выделили галлюциногенное вещество и назвали его псилоцибином. Они синтезировали его и теперь применяют при лечении некоторых психических заболеваний.

– И помогает?

– Не знаю. Но я слышал из уст одного уважаемого мною ученого, что людям, страдающим потерей памяти, препарат помогает. Он уверял меня, что пятьдесят процентов больных начинают вспоминать.

– Как-то не верится...

– Ну почему же? В действие дрожжей тебе верится?

– При чем тут дрожжи? – обиделся я.

– Да при том, что дрожжи – это грибы семейства сахаромецетовых.

– Не укладывается как-то, грибы и дрожжи.

– Укладывается не укладывается, но из грибов много кое-чего делается теперь. Тот же пенициллин, пектиназы для осветления фруктовых соков, которые ты потребляешь

нередко. А что стоит боверин? Ведь это один из лучших препаратов, используемых в борьбе с вредными насекомыми. А гиббереллин? О грибе гибберелла столько трудов написано, что можно из них библиотеку создать. Одни клянут его за то, что гриб вызывает заболевание злаков риса, сахарного тростника, кукурузы, проса и сорго. А другие восхваляют не гриб, а вещество гиббереллин. Оно стимулирует рост растений...

– Видимо, поэтому медведь иногда выворачивает деревья или делает попытку померяться силами с трактором. Федор Андреевич, а может быть, хозяева леса не хуже индейских жрецов знают о псилоцибе, а?

– Не интересовался этим вопросом. Но, впрочем, кто их знает.

Электронная библиотека, elib.altlib.ru

«Труба смерти» или «Рог изобилия»

Красивые грибы лисички! Оранжевые, желтые, бурые, они радуют глаз грибника своей яркостью. Видимо, за цвет и получили свое название. И встречаются эти грибы в наших лесах во множестве. Иной раз под сосной найдешь их столько, что за какие-нибудь полчаса наполнишь корзину с верхом и, гордый удачей, возвращаешься домой, сопровождаемый завистливыми взглядами встречающих.

... И вот мы бродим по золотому сосновому бору и охотимся за лисичками. Солнце поднимается. В лесу становится душно, словно в бане. Терпко пахнет смолой, оплывающей по литым стволам, и какими-то привянувшими травами. Иногда, где-то в самых вершинах, вздохнет ветер, словно и он устал от этой густой духоты.

– Эх, – сокрушенно вздыхает дядя Миша, – самое время грибным дождям идти, а их все нет и нет. Сегодня утром сводку погоды слушал, и снова осадков не обещали.

– А зачем вам сырость нужна? – спрашиваю у лесника. – Осень еще вся впереди и дождей будет предостаточно.

– Мне-то она без надобности. А вот грибам сейчас надо бы водицы. Лисичкам особенно. Они ведь, при сухой-то погоде, в два раза медленнее растут.

Объясняя это, дядя Миша смотрит на третьего нашего спутника, известного миколога Федора Андреевича, ища у него поддержки. Тот согласно кивает, но ничего не говорит, только отдувается. Он габаритнее нас с дядей Мишей, и его разморило больше.

– Может, в тень присядем? – предлагает лесник и первым направляется к большекронной сосне, под которой даже и травы мало.

Вокруг дерева, как бы вода хоровод, стояли серые, словно сумерки, грибы. И все они по форме ничем не отличались от лисичек. Такая же воронка у них, так же кромка вздернута, словно ухо дворняги.

– А это что за грибы? – спросил я у дяди Миши, но мой грибознатец развел руками. Весь виноватый вид его говорил, дескать, я тебе не бог и всего знать не могу, даже в этом лесу, который с детства знаю, как пять своих пальцев.

Подошел Федор Андреевич. Увидев грибы, сказал:

– Что же вы стоите? Резать надо грибы.

– Так это же чернота какая-то, – сказал я, – поганые, наверно.

– Чер-но-та, – передразнил меня ученый и рассмеялся. Потом объяснил:

– Это серые лисички. По вкусу они несколько не уступают своим односемейцам. А вот цветом не удались.

Видя нашу растерянность, Федор Андреевич успокоил:

– Не вы первые ошибаетесь. Когда-то немцы называли их «трубой смерти». Тоже из-за цвета, видно. Зато англичане дали серым лисичкам название «рог изобилия». Да режьте вы!

Вечером мы коллективно готовили грибы. В одной сковороде у нас жарились рыжие, в другой – серые лисички. Запах от тех и других шел одинаково аппетитный. Потом мы с дядей Мишей пробовали на вкус те и другие, и приходили к выводу, что одни от других не отличаются.

Ученый посмеивался над нами, а лесник конфузливо и извинительно твердил:

– Правду говорят, век живи – век учись.

Зависть

Ночь опускалась быстро. Так всегда бывает в лесу: светло – и вдруг, как-то внезапно, сгущается тьма, как бы стираются со светлого дневного фона очертания деревьев. Кажется, в это время, что все окрест залито серовато-черной тушью. Угомонились дневные птицы, отыскав себе укромные места для ночевки. Не пискнут даже, чтобы не обнаружил их какой-нибудь ночной хищник. И только лесные певчие сверчки продолжали неумолчно трещать. Их пение несло из травы, с кустов и невысоких деревьев, куда они любят забираться с вечера, чтобы перед утром испить сладкой росы.

Истонченный, со щербинками, месяц поднимался лениво, и словно бы нехотя. От его холодного света все вокруг становилось зыбким и призрачным.

Дядя Миша молчал, словно боялся нарушить благостную предночную тишину. Сидели мы на поваленном дереве и думали каждый о своем. А ночь густела и начинала дышать предосенней прохладой, как всегда бывает августовскими ночами.

Дядя Миша поднялся и, тронув меня за рукав, сказал:

– Пошли. Теперь и посмотреть можно – эта ночь, когда сказки придумываются сами. А тут не сказка, правда житейская.

Он замолчал, словно устыдился своего многословия, и шагнул в темноту. А ходил он, как обычно ходят извечные лесовики, ни шума шагов его не слышно, ни дыхания. Как он ориентировался в темноте, я не могу сказать. Помню только, что прошли мы не больше ста шагов. Снова дядя Миша тронул меня за рукав.

– Вот смотри!

– Куда? – не понял я.

– Перед собой. Чуть ли не под ноги.

Глянул, но в этой темноте ничего не увидел, что могло бы привлечь мое внимание. Сделав еще один шаг вперед, натолкнулся на высокий, до пояса мне ростом, пень. Вроде бы днем я здесь был, и с такого же ростом пня срезал большущее семейство опят – чуть ли не полная корзина получилась.

– Тут же пень, – сказал я разочарованно, – а на них я и днем нагяделся, пока грибы собирал.

– Экой ты, – уронил дядя Миша, – а еще что-то писать собираешься. Разуй гляделки-то. Поди, увидишь что-нибудь.

Пригяделся, и увидел на пне пятна белого фосфорического цвета.

– Гнилушка светится, – сказал я дяде Мише. Он хмыкнул неопределенно. В этом его мычании мне послышалось что-то осудительное. Даже какое-то пренебрежение его почувствовал.

– Экой ты неприглядный! Тут же не гнилушка, а грибница опеночная светится. Не вся, правда, а ее концы. В науке их ризоморфами зовут.

Дядя Миша отломил мне кусок полугнилой древесины от березового пня, со светящимися пятнами.

– На досуге рассмотришь. Может, какие-нибудь мыслишки родятся при ясном-то дне. А сейчас, видать, ты дремлешь. Пойдем-ка к дому. Нас ждут, поди, там. Настасья опять ворчать будет.

Мы шли к кордону по ночному лесу. Скрипели хором лесные сверчки, и пошурхивали, в предосенней ломкой траве, мыши да бурундуки. Вдалеке, где-то в глухих осиновых логах, кричал ушастый филин, словно старался непременно напугать нас или еще кого-то, блукавшего в это время по дебрям. Дядя Миша неслышно шел на полшага впереди и молчал. А я думал о том, сколько разных чудес таит лес и как мало мы этих чудес знаем. И от всей души завидовал дяде Мише.

Лесные приправы

Мы шли по вилюшке-тропе к кордону. Небо было сумрачным и злым. Висели низкие тучи. Они не плыли, а как-то клубились на одном месте, то и дело меняя свои очертания. Но дождь не начинался. Медлил что-то.

У таежной песчаной гривы, где весной мы с дядей Мишей резали первые грибы, я остановился.

– Никак устал? – участливо спросил лесник. – Но отдыхать нам некогда. Надо до ливня домой добраться.

– Не устал, – ответил я, – удивляюсь вот, отчего здесь так чесноком пахнет? Даже в носу зудит. Толкут его где-то, что ли.

– Э-э, – пренебрежительно махнул рукой дядя Миша, – это грибами пахнет. Их чесночниками и зовут. В жару от них и запаха нет, пока не срежешь да не сомнешь в руке. А перед дождем всегда тут чесночищем прет вот эдак.

Меня заинтересовали эти грибы. Захотелось увидеть их собственными глазами, чтобы потом суметь отличить от других.

– Посмотрим? – предложил леснику.

– Отчего не посмотреть, коли интересно. Только мигом.

Мы сошли с тропы. Дядя Миша безошибочно привел меня к песчаной прогалине, на которой я и увидел чесночники. Ими оказалась семейка бледно-желтых грибков. Такие мы привыкли считать погаными. Над ними висел густой чесночный запах. Присев у семейки на корточки, сломил несколько грибков, чтобы рассмотреть их по дороге. Запомнилось, что у них были хрящеватые тонкие ножки и шляпки чуть побольше пятикопеечной монеты.

– Окромя чесночников у нас еще говорушка пахучая произрастает, – рассказывал мне по дороге лесник. – Та вполне анис заменить может. А вот красный паутинник редькой пахнет. Прямо настоящей редькой. И тоже перед непогодой только.

– А эти грибы используют? – перебил я.

– Теперь нет. А вот в войну они на приправы к вареву шли. Голод-то всему научит.

Где-то сзади сухо гроыхнуло и зашумело. Нас догонял дождь.

Что я знаю о маслятах

Лесник в этот день уехал в село к своему начальству. Тетка Настасья еще не возвратилась от дочери. А Федор Андреевич сидел за столом и писал какие-то рекомендации по борьбе с, неведомым для меня, грибом фацидиумом, вызывающим болезнь сеянцев сосны – лесничество попросило. Из разговора Федора Андреевича с дядей Мишей, я понял, что гриб этот губит в лесопитомнике более половины однолетних деревьев.

Ранняя муха билась о стекло, словно хотела разбить его и лететь навстречу встающему солнцу, чтобы погреться от него. Под печью, через небольшие промежутки времени, словно заведенный, стрекотал сверчок – диковина для городских, да и сельских теперь домов. Он усердствовал. Видно, считал, что доставляет нам своим пением величайшее наслаждение. На полу, словно разбросанные в беспорядке листья, золотели солнечные блики.

Мне надоело слушать веселого сверчка и нудную муху. Да и казалось, что мешаю человеку работать, хотя я не разговаривал и не подходил к столу. Вот и решил отправиться за грибами.

– Далече? – не поднимая головы от листа, спросил Федор Андреевич. – Прогуляться решил?

– Грибы посмотрю.

– Сходил бы с тобой, но у меня еще часа на два работы.

Прихватив корзину, я отправился в сторону песчаной гривы. У самой тропы на ветке сухой березы сидел рябчик. Я остановился и стал рассматривать его. Серые, черные, рыжие и белые полосы и пятна на теле делали птицу сказочно пестрой. Горло у рябчика было черным, а на голове торчал небольшой хохолок. Это был петушок. Он не обращал на меня никакого внимания. Я свистнул. Рябчик, повернув голову, удивленно посмотрел на меня и, нехотя взмахнув крыльями, полетел в ту же сторону, в которую двигался я.

На гриве было столько маслят, что у меня разбежались глаза. Не верилось как-то, что они выросли сами по себе. Казалось, их посадила здесь какая-то умелая и легкая рука.

Рядом с большими, размером с блюдце, грибами – стояли грибочки не больше ноготка. Я и стал резать самые маленькие. Быстро закрыл ими дно корзины. Но вскоре надоело мне. Это малоинтересное занятие – складывать грибы в корзинку без предварительного упорного поиска их.

Махнул рукой на маслята и пошел в сторону, высохшего за лето, болотца. Берега его были густо опушены ивняком и смородинником. И, к моему удивлению, маслят в этих зарослях стояло еще больше, чем на песчаной гриве. Только здесь они выглядели по-иному: были толстоногими и очень желтыми. На их ножках имелись слизистые кольца.

Затрещали сучки под чьим-то тяжелым копытом. Я насторожился. И тут увидел лосиху с лосенком. Они преспокойно ели грибы, выбирая самые крупные. Их совсем не смущало, что крупные маслята, как правило, источены червями. Звери паслись совсем недалеко от меня, и мне казалось, что я видел какое-то умиротворенное выражение в их больших зеленоватых глазах.

Корзинка моя была почти наполнена, и я, чтобы не мешать лосям есть, удалился.

– Ну-ка, покажи свои трофеи, – встретил меня на крыльце Федор Андреевич. Я поставил перед ним корзину и, пока он рассматривал грибы, рассказал о лосях.

– Ничего тут удивительного, – сказал Федор Андреевич, – лоси – завзятые грибники. Все места знают получше нас. Особенно им белый гриб по вкусу. В поисках его могут десятки километров исходить. Да и не только лоси едят грибы. Северные олени тоже обожают их. Есть так называемый олений трюфель.

Растет неглубоко под землей. Оленеводы рассказывают, что во время появления трюфелей лучше уж пасти животных там, где они растут. Иначе олени все равно туда побегут. В общем-то все лесные звери едят грибы. Многие из домашних тоже ими не брезгают.

Федор Андреевич вынул из корзинки несколько маслят и положил их рядом с собой на ступеньки крыльца.

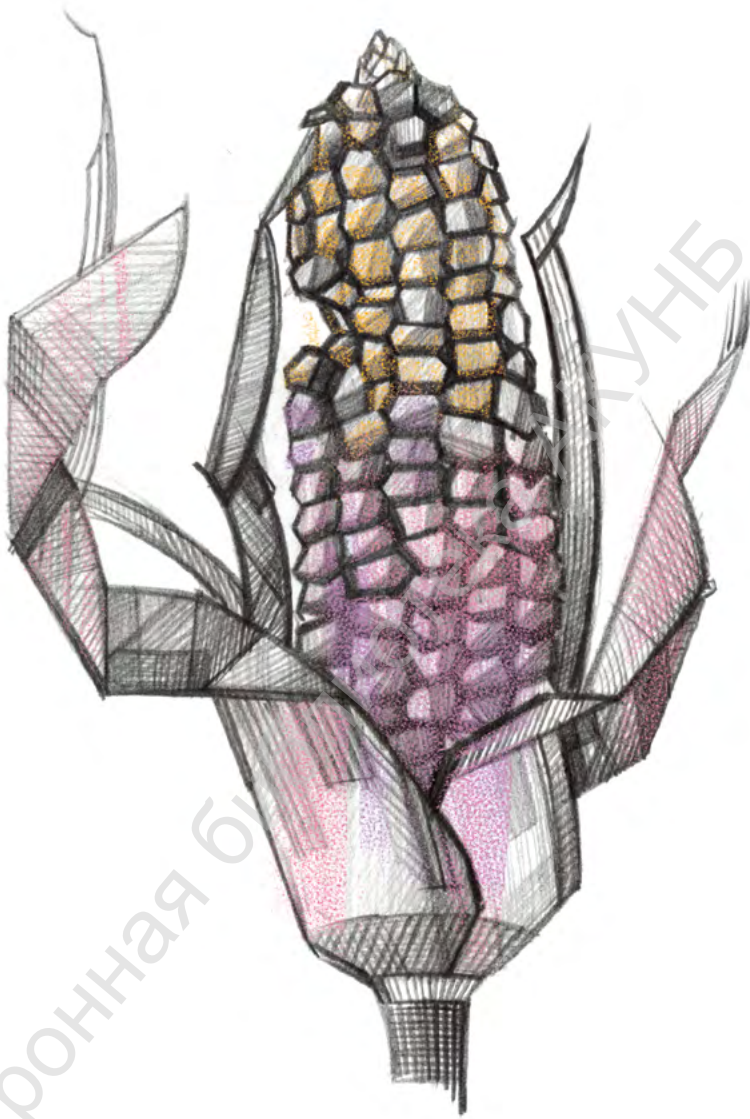
– Хочешь, я расскажу тебе, где ты рвал каждый из этих грибов? – он кивнул на отложенные маслята, – их ведь у нас пятьдесят видов и каждый растет только на определенном участке и в соседстве с определенными деревьями. Вот этот, – Федор Андреевич держал в руках почти белый масленок с красноватыми бородавчатыми пятнами на ноге, – растет в сухом месте под сосной, где разрежена трава. А этот ты срезал на песчаной гриве. Так ведь?

Я кивнул. Федор Андреевич продолжил:

– Толстячки ты резал в болотце. Они без влаги не могут. И воды в них – хоть выжимай.

Слушая его, я удивлялся точности, с которой он описывал места моей сегодняшней грибной охоты, как будто бы он ходил со мной. А перед глазами стояли лосиха-мама с лосенком, лакомившиеся маслятами в высохшем болотце.

Грибные дожди

С утра стоял густой туман. Думали, что разъяснится, но к обеду небо заволокло, и пошел мелкий дождь, который в народе называют грибным. Лес оживился и каждым листом, каждой иглой ловил теплые капли. Мы сидели с дядей Мишей перед раскрытым окном и смотрели на мелких птиц, резвившихся под моросью.

– Совы любят такую погоду, – сказал дядя Миша, – они сейчас блаженствуют все.

– Я не филин, но и мне она по душе, – сказал я, – а сколько стихов об этих грибных дождях написано! Все и не упомнишь.

Федор Андреевич сидел за столом и что-то писал. При последних моих словах повернулся к нам и словно ушат холодной воды вылил на нас.

– Зря о нем пишут возвышенно. Не стоит он этого. Ваш брат пишет что-нибудь такое: «Дождь грибной надо мной», а в это время кое-где люди проклинаят его.

– Как это? – взъерошился дядя Миша. – Да где это видано, чтобы такую прелесть проклинать?

– А ты не ершись, Михаил, – сказал ученый, – в сухих районах это действительно жданный и благодатный дождь. А вот во влажных...

Я не дал ему досказать:

– Грязи добавляет, настроение людям портит.

Федор Андреевич понял, что подкусил нас. Но он имел на это, видимо, свои основания. Ведь он более сведущ, чем мы, во многом.

– Не о грязи речь. А настроение? Его этот дождь кое-где портит. Есть такое семейство грибов – нектриевые. Им, как и всем грибам, такой дождь и нужен для развития.

– Ну и что? – насторожился дядя Миша, ожидая подвоха.

– Грибок из этого семейства – гибберелла кукурузная, – дождавшись такого дождя, начнет прогрессировать. На колосьях и солоmine пшеницы, ячменя, ржи, овса, риса, да и кукурузы не сейчас, а к моменту вызревания, появится розовый налет.

А при уборке люди не досчитаются пяти процентов урожая. И это в том случае, если будут поражены только стебли. Если же сеяли зараженными семенами, то в нетях половина урожая окажется. Вот вам и воспетый грибной дождик.

– Ты нарочно, что ли, настроение нам портишь? – возмущенно спросил дядя Миша.

– Да нет, просто обратную сторону медали показал.

Ученый снова уткнулся в свои записи. Может быть, как раз он какие-нибудь рекомендации по борьбе со злаковым паразитом излагал. Но я в это время оттачивал в голове строки:

«И летят к земле покорной,
Блеск на травы наводя,
Словно маковые зерна,
Капли теплого дождя».

Дядя Миша стоял у окна, смотрел на благостный дождь и о чем-то думал. Потом вдруг закрыл створки и, ни к кому не обращаясь, пробубнил бесцветно:

– И все грибы...

Еще один урок

– Эх ты, – сокрушенно вздохнул дядя Миша, – и ничего-то о грибах не знаешь.

Я остановился и удивленно посмотрел на своего спутника, а точнее сказать, на экскурсовода и отличного грибоведца. Стояли мы в темном логу, где даже трава не росла. Вокруг высились великанши-сосны. Иглами, многие годы спадавшими с них, они толстым слоем покрыли здесь землю. Проникни сюда солнце и тут было бы самое благоприятное место для маслят. Но мне казалось, что расти тут могут только грузди или какие-нибудь сыроежки, которых в наших лесах более ста видов – самое место для валуя или чернушки. А дядя Миша держал в руках что-то белое, бесформенное. Скорее всего, похожее на какое-то подводное растение.

– Видишь вот, – поднес он к моему носу свою находку, которая едва умещалась в его большой пригоршне.

– Вижу, – буркнул я, – плесень какая-то. Я видел ее на валежнике. Еще стоптать хотел.

– Пле-е-е-сень, – презрительно протянул дядя Миша, – да мне и белых грибов не надо. Побольше бы вот этой, как ты обозвал по своему невежеству, плесени. Это же редкость у нас. Не всякий раз найдешь. Держи, – протянул он мне диковину.

Масса была тяжелой и сырой. Внутри ее – невидимый стержень, от которого росли жирные и диковинно узорчатые листья. Скорее всего она походила на морской коралл, виденный мною на цветных иллюстрациях. Только яркости не хватало ей. Все еще не решаясь положить находку дяди Миши в корзину, я спросил:

– А, что это вообще-то?

– Грибная капуста.

– И такая бывает?

– Темный ты в лесных делах человек. Тут и лапша есть. Так и зовем ее грибная лапша. Она не очень отличается от этой. Только на ней узорочья такого нет. Словно катаные лапшинки-листья. А когда сварить – ох и вкусно! – дядя Миша даже глаза закрыл от предвкушения удовольствия. – Нам Настасья такой супец из нее сварганит к вечеру, что пальчики оближешь.

Я поднес гриб к носу. От него несло таким сгущенным грибным духом, и не каким-то там поганочным, а самым настоящим, возбуждающим аппетит. Так не пахло от моей двухведерной корзины, чуть ли не доверху заполненной груздями, рыжиками и волнушками, которые мы собирали на засол.

«Еще один урок, – подумал я благодарно, – а сколько их впереди?»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОЧЕМУ КАРАСЬ НА ДНЕ ЖИВЁТ.....	3	За мёдом.....	31
ЛЕСНЫЕ НОВОСТИ.....	9	Попался.....	33
День в лесу	9	В зоопарке	35
СКороГОВОРКИ.....	12	Новая жизнь	37
Цапля.....	12	Встреча	39
Жёлтый жук.....	13	ЛЮБИТЕЛЬ МУЗЫКИ	40
Ручей	14	РАССКАЗЫ О ГРИБАХ.....	42
Рубашка	14	Грибы и подснежники	42
Дела.....	15	Чужаядцы	47
Кораблик.....	15	Знакомство.....	50
КАК ХОрЁК ТОВАРИЩА ИСКАЛ.....	16	Угостилась	55
СКАЗКА	16	От незнания	56
ГРИБНАЯ ОХОТА	21	Псилоцибе	59
ДРОВА	23	«Труба смерти» или «Рог изобилия»	63
ХОЗЯЙКА СОЛНЦА	25	Зависть	65
СЛАСТЁНА	27	Лесные приправы	69
Первое знакомство.....	27	Что я знаю о маслятах	71
Дед.....	29	Грибные дожди	75
		Еще один урок.....	77

Геннадий Григорьевич Володин

Детские произведения

Редактор: И. С. Малышева

Дизайнер, художник: Ю. А. Кобзева

Корректор: О. В. Разумова

Вёрстка: типография Юнисет (ИП Воротников Д. А.)

Подписано в печать 20.10.2023 г.

Формат 70х90/16. Тираж 500 экз. Заказ № 5259.

Отпечатано в типографии Юнисет (ИП Воротников Д. А.)
660075, Россия, г. Красноярск. ул. Республики, д. 51, стр. 1.
тел. 8 (391) 278-31-42, эл. почта: info@uniset24.ru

